

ПРАВО НА ФИЗИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ – НОВОЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО?¹

Леонид Головки

*Заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

Для начала напомним классический подход. Право на участие в судебном разбирательстве по уголовным делам – неотъемлемое право обвиняемого². От него, конечно, гипотетически можно отказаться в каких-то случаях, но исключительно добровольно³.

Судебное разбирательство без обвиняемого в процессуальном смысле всегда признается заочным производством (*in absentia*). Разные правовые порядки относятся к заочному производству по-разному. Некоторые – вполне благосклонно, например, Франция, где судебное разбирательство *in absentia* даже дифференцируется на заочное как таковое (*par défaut*), когда приговор остается неустойчивым и может быть аннулирован специальной жалобой (*opposition*) осужденного с последующим рассмотрением дела тем же судом с его участием, и заочное, приравненное к «сопоставительному» (*contradictoirement*), когда дело считается рассмотренным полноценно, т.е. якобы с участием обвиняемого, в силу чего постановленный таким образом приговор никакими специальными жалобами аннулирован быть не может и подлежит пересмотру лишь в обычном порядке (апелляция, кассация)⁴. Другие правовые порядки – скорее негативно, предусматривая заочное производство лишь в крайне редких ситуациях в качестве явления экстраординарного (Англия⁵, Россия⁶ и др.).

¹ Статья было представлена на международной научно-практической конференции «Современный уголовный процесс: проблемы и тенденции развития», посвященной к 100-летию известного процессуалиста, основателя и первого зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ЕГУ профессора А.М. Пивазяна (12 мая 2023г.).

² См. подробнее, например: Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011. С. 198; Гаджиев Х. И. Право на справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 79.

³ Трубникова Т. В. Указ. соч. С. 198.

⁴ См., например: Pradel J. Procédure pénale. 15 éd. Paris, 2010. P. 710 – 712.

⁵ В Англии, ранее вообще исключавшей саму возможность рассмотрения дела *in absentia*, в последние десятилетия заочное производство по уголовным делам стало появляться в законодательных актах, но в очень ограниченном числе случаев, несопоставимом с Францией. См. подробнее: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е. Москва, 2002. С. 148 – 149.

⁶ См. ст. 247 УПК РФ с учетом также того, что ч. 4 данной статьи на практике применяется относительно редко (см. конкретные статистические данные: Решетняк В. Использование современных информационных технологий для повышения доступности правосудия и уровня защиты прав граждан // Законность. 2023. № 5. С. 51).

Но какова бы ни была степень распространенности заочного производства в том или ином правовом порядке, во-первых, оно всегда рассматривается как явление *a priori* нежелательное, а, во-вторых, обвиняемый никогда не лишается права на участие в судебном разбирательстве по своему делу. Заочное рассмотрение дела происходит либо по его воле, либо в силу осознанной неявки обвиняемого, которого невозможно доставить приводом (он скрывается, находится за границей и т.п.), либо по причине того, что обвиняемый по тем или иным причинам остается не уведомлен о судебном разбирательстве. Но даже если он явится в суд в последний момент, то отказать ему в участии в судебном разбирательстве нельзя.

Однако какое-то время назад появилась новая форма участия обвиняемого в судебном разбирательстве – *дистанционная* (посредством видеоконференц-связи). Строго говоря, сама возможность внедрения в уголовное судопроизводство средств удаленной визуальной коммуникации появилась уже достаточно давно, скажем, в Англии еще в 1988 г. был принят Закон об уголовной юстиции, допускающий допрос свидетеля с помощью телевизионной сети, т.е. «теледопрос»¹. В то же время о подобной форме участия именно обвиняемого в судебном разбирательстве речь тогда еще не шла, о чем прямо указывалось в данном английском законе², но не в силу отсутствия технических возможностей (они одинаковы как для свидетеля, так и для обвиняемого), а по причинам ценностно-процессуального порядка. Ситуация резко изменилась в период пандемии, оказавшейся к тому же на гребне всеобщего цифрового культа, разгонявшегося последние годы: дистанционное участие обвиняемого в судебном разбирательстве было сначала признано одним из возможных вариантов адаптации уголовного судопроизводства к санитарным ограничениям, а после завершения пандемийного кризиса автономизировалось от пандемии как таковой и начало жить своей жизнью. Многие восприняли данный вариант судебного разбирательства, где обвиняемый появляется лишь на экране монитора, в качестве безусловного прогресса³, очередного проявления вездесущей цифровизации и т.п., высказывая сугубо восторженные оценки и предвещая скорую «возможность дистанционного рассмотрения всего уголовного дела целиком»⁴.

Дело, впрочем, не в этом, эмоции сторонников цифровизации нас здесь интересуют в наименьшей степени. С появлением (вынужденным в силу санитарного кризиса или желанным в рамках прогрессистского оптимизма) возможности дистанционного участия обвиняемого в судебном разбирательстве неизбежно возникает другой *принципиальный* процессуальный вопрос или даже скорее ряд вопросов:

- является ли такое участие реальным (формой реального участия), ничем не отличающимся от личного присутствия обвиняемого в зале судебного заседания?;
- является ли такое участие заочным (формой заочного участия)?;
- является ли такое участие формой участия *sui generis* (третьей формой участия обвиняемого в судебном разбирательстве)?

В первых двух случаях мы в процессуальном смысле никакой новой сущности не получаем – в отношении дистанционного производства должны приме-

¹ См. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Указ. соч. С. 138.

² Там же.

³ *Решетняк В.* Указ. соч. С. 53.

⁴ *Цветков Ю. А.* Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 22 (данная статья является яркой иллюстрацией подобной восторженности).

няться классические подходы, выработанные в отношении личного (реального), то есть, как говорят французы, состязательного производства и производства заочного. Иначе говоря, проблема только в приравнивании дистанционного производства к тому или иному традиционному виду производств, после чего в его отношении начинают действовать уже давно известные подходы. В третьем случае новая процессуальная сущность, казалось бы, возникает. Однако, исходя даже из концепции *sui generis* и наличия ныне не двух, а трех форм участия обвиняемого в судебном разбирательстве, мы не можем уйти от ответа на **центральный** вопрос: считается ли при дистанционной форме право обвиняемого на участие в судебном разбирательстве обеспеченным (как при реальном участии) или оно таковым считаться не может (как при заочном участии), в силу чего обвиняемого ни при каких условиях нельзя принуждать к дистанционному участию в рассмотрении своего дела? Получается, что, строго говоря, некий компромисс в виде выделения особой формы участия обвиняемого в судебном разбирательстве (концепция *sui generis*) нам в конечном итоге ничего не дает. Мы в любом случае будем вынуждены ответить на поставленный вопрос и в зависимости от ответа констатировать, что дистанционное участие, будучи автономной формой в *техническом* плане, никакой значимой *юридической* автономией не обладает, являясь по своим последствиям либо реальным (приравниваемым к нему), то есть полноценным, либо заочным (приравниваемым к нему), то есть неполноценным.

В сравнительно-правовом ракурсе, если говорить предельно схематично, на сегодняшний день существует два прямо противоположных ответа на поставленный вопрос: а) российский и б) французский.

Российский подход исходит из полного приравнивания дистанционного участия обвиняемого в судебном разбирательстве к реальному (они равноценным), в силу чего согласие обвиняемого здесь не всегда требуется, достаточно решения суда. Формирование данного подхода складывалось из трех этапов.

На *первом этапе* законодатель еще более десяти лет назад (Федеральный закон № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г., вступивший в силу с 1 января 2013 г.) предусмотрел возможность дистанционного участия осужденного посредством видеоконференц-связи при рассмотрении его дела в апелляционной или кассационной инстанции, причем независимо от мнения самого осужденного, в том числе подавшего апелляционную или кассационную жалобу, - решение о форме его участия принимается апелляционным или кассационным судом, который вправе счесть дистанционное участие вполне достаточным. Данная мера не в последнюю очередь объяснялась апелляционными функциями Верховного Суда РФ, в некоторых случаях выступавшего в качестве суда апелляционной инстанции, в частности, инфраструктурной сложностью и дороговизной этапирования в Москву осужденных из всех уголков огромной страны. Однако она сохранилась и после того, как Верховный Суд РФ утратил апелляционные функции в связи с созданием в 2019 г. апелляционных судов общей юрисдикции.

На *втором этапе*, в самом начале пандемии и в условиях жесткого карантина, в том числе в СИЗО, весной 2020 г., «дистанционный подход» был распространен на участие обвиняемого (подозреваемого) в рассмотрении судом вопроса о заключении под стражу и иных мерах пресечения, требующих судебного решения при их избрании и продлении. В закон тогда никакие изменения не вносились, Верховный Суд РФ просто издал Постановление Президиума от 18 марта 2020 г. № 808, где предоставил судам право решать вопросы безотлагательного характера, прежде всего, связанные с избранием и продлением мер пресечения, «путем использования систем видеоконференц-связи». Согласие обвиняемого в

такой ситуации, разумеется, не требовалось. Данная мера являлась чрезвычайной, но свой след в развитии дистанционных способов обеспечения прав обвиняемого на доступ к суду оставила.

На *третьем этапе* Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ почти полностью нормализовал дистанционное участие обвиняемого (подсудимого) посредством видеоконференц-связи не только в апелляционной или кассационной инстанции, но и в судебном разбирательстве по уголовным делам по первой инстанции, вводя специальную статью 241.1 УПК РФ. Речь идет о трех случаях. Во-первых, когда такую волю выразил сам обвиняемый, заявив соответствующее ходатайство о дистанционном участии. Во-вторых, по ходатайству одной из сторон по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда возникает угроза безопасности участников уголовного судопроизводства, а обвиняемый находится под стражей¹. В-третьих, «по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда», когда «имеются обстоятельства, исключающие возможность» участия обвиняемого «в судебном заседании непосредственно» (ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ). Последние два случая предполагают, что обвиняемый участвует в судебном разбирательстве дистанционно (посредством видеоконференц-связи) независимо от его на то воли. Иначе говоря, даже если обвиняемый настаивает на непосредственном участии в судебном заседании, суд ему в этом вправе отказать, сославшись, например, на «обстоятельства», исключающие такую «возможность», круг которых совершенно непонятен. Какие обстоятельства имеются в виду: санитарная ситуация, плохие дороги, ненастная погода, ремонт скамьи подсудимых, что-то еще?

Примечательно, что российский законодатель сам отдает себе отчет в порочности подобной формы участия обвиняемого в судебном разбирательстве, поскольку категорически не допускает ее ни при каких обстоятельствах при рассмотрении дела судом присяжных (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ), причем независимо ни от погоды, ни от санитарной ситуации, ни от наличия рисков для безопасности участников уголовного судопроизводства. Другими словами, он сознательно идет на качественную дифференциацию уголовного судопроизводства, когда существует *a priori* более качественное судебное разбирательство по уголовным делам (суд присяжных) и *a priori* – менее качественное (в остальных судах), что несколько противоречит изначальной российской идее о равноценности реального и дистанционного участия, ставя ее под сомнение.

Французский подход исходит из принципиальной неравноценности дистанционного и реального участия обвиняемого в судебном разбирательстве. Выработан он был не законодателем или исполнительной властью, а благодаря жесткой позиции высших судов страны: Государственного совета (высшего административного суда, надзирающего за надлежащим функционированием государственных институтов, включая всю систему правосудия) и Конституционного совета (органа конституционного контроля), которые вступили в юридическую полемику с французским Правительством, настроенным действовать в том же духе, что и российский законодатель, продвигая дистанционные формы судебного разбирательства. Следует также подчеркнуть, что французский подход сформирован

¹ Нам непросто смоделировать реальную ситуацию возникновения подобного основания для дистанционного участия обвиняемого в судебном разбирательстве, учитывая его нахождение под стражей. Что имеется в виду? Риски нападения на конвой в ходе этапирования или непосредственно на зал судебного заседания? Возможно, они иногда возникают, но требуют усиления конвоев и охраны залов судов, а не деформации процессуального законодательства.

ровался не в «постпандемийный» период, когда многие законодатели задумались о превращении чрезвычайного регулирования в нормальное во имя легендарной цифровизации, а, напротив, в самый разгар пандемии covid-19, то есть никаких «исключительных обстоятельств» он в процессуальном смысле не знает и не признает.

Кратко напомним французскую хронологию событий.

На фоне всеобщей паники в ходе «первой волны» пандемии коронавируса Правительство Франции принимает правительственный ордонанс от 25 марта 2020 г. № 2020-303, который дал судам полномочие прибегать без согласия сторон к «средствам аудиовизуальной коммуникации» при рассмотрении всех уголовных дел, кроме дел о самых опасных преступлениях, подсудных судам ассизов (некий аналог суда присяжных) или приравненным к ним судам. Более того, в случае «технической или материальной невозможности» применения видеоконференц-связи суд получил также право использовать «любое другое средство электронной коммуникации, включая телефонную, но при условии, что она позволяет обеспечить качество связи, установить личность и гарантировать конфиденциальность общения сторон с их адвокатами». Иначе говоря, во Франции возникла даже возможность проведения судебного разбирательства «по телефону».

Затем уже в ходе «второй волны» той же пандемии французское Правительство идет еще дальше, принимая ордонанс от 18 ноября 2020 г. № 2020-1401 и распространяя дистанционный режим на рассмотрение в том числе тех уголовных дел, на которые ордонанс от 25 марта 2020 г. посягнуть не решился, т.е. дел о самых опасных преступлениях, подсудных судам ассизов или приравненным к ним судам. Разница лишь в том, что, в отличие от основной массы уголовных дел, по таким делам ордонанс от 18 ноября 2020 г. допустил только «средства аудиовизуальной телекоммуникации» (но не простой телефонной коммуникации). В результате, возникла возможность проведения в суде ассизов, где обвиняемому грозят самые строгие наказания вплоть до пожизненного лишения свободы, судебного разбирательства по видеоконференц-связи.

Но далее слово взяли высшие французские суды. Сначала Государственный совет по жалобам нескольких адвокатских и правозащитных объединений и организаций решением от 27 ноября 2020 г. приостановил действие ордонанса от 18 ноября 2020 г. в части тех положений, которые касались возможности использования видеоконференц-связи в ходе судебного разбирательства по делам, рассматриваемым судом ассизов и приравненным к нему судами. Он пришел к выводу, что данные положения наносят непоправимый и незаконный вред праву на защиту и праву на справедливое судебное разбирательство, особенно по делам, где с учетом тяжести санкций и повышенного значения внутреннего убеждения судей и присяжных устность судебного разбирательства играет первостепенную роль. Государственный совет также подчеркнул важнейший характер *физического* присутствия сторон для судебных прений и последнего слова подсудимого. В такой ситуации «ни сложности, связанные с эпидемией, ни какие-либо достоинства видеоконференц-связи, ни даже сопутствующие ее применению гарантии недостаточны, чтобы обосновать посягательство на фундаментальные принципы процесса и права его участников», - отметил он. Тем самым Государственный совет Франции, по сути, полностью запретил применение видеоконференц-связи по делам, рассматриваемым судом ассизов, причем вопреки заключению французского Министерства юстиции, которое в ходе рассмотрения Государственным советом соответствующего административного спора требовало жалобы адвокатов и правозащитников безоговорочно отклонить.

Затем Конституционный совет Франции, действуя в порядке конституцион-

ного судопроизводства, рассмотрел вопрос о конституционности первого ордонанса от 25 марта 2020 г. Совет решением от 15 января 2021 г. признал его неконституционным и не подлежащим дальнейшему применению, поскольку, «принимая во внимание важность гарантии, которую представляет собой *физическая* (выделено нами – Л. Г.) явка заинтересованного лица перед уголовным судом», он, позволяя заменять ее применением средств телекоммуникации, «посягает на право на защиту, что не может быть оправдано особым санитарным контекстом эпидемии covid-19».

Наконец, окончательную точку в этой судебной эпопее поставил Государственный совет Франции, запретивший решением от 12 февраля 2021 г. применение второго ордонанса от 18 ноября 2020 г. не только по делам, подсудным суду ассизов, но и по всем остальным уголовным делам.

Тем самым первый правительственный ордонанс от 25 марта 2020 г. был дезавуирован Конституционным советом, а второй (от 18 ноября 2020 г.) – двумя решениями Государственного совета, что не оставило от них во французском уголовном процессе и следа. Ситуация вернулась в нормальное русло: обвиняемому нельзя ни при каких обстоятельствах, включая пандемию и т.п., навязывать дистанционное участие в судебном разбирательстве, так как оно не равноценно реальному (физическому) участию и не может его заменить.

Какой подход предпочтительнее: российский или французский? Какой в большей мере соответствует уголовно-процессуальным ценностям? У автора этих строк не возникает сомнений, что французский, так как нет никаких оснований исходить из равноценности физического (реального) и дистанционного (виртуального) участия обвиняемого¹ в судебном разбирательстве. Как справедливо отмечалось еще за несколько лет до пандемии: «Общение с помощью видеоконференц-связи не является простой копией личного физического общения <...> Социология образов учит нас, что видеоконференц-связь не есть механизм, который лишь увеличивает человеческие возможности, как это делает, например, пара очков, поскольку дистанция может менять как само поведение человека, так и интерпретацию такового»². Таким образом, вопрос не является техническим (качество видеоконференц-связи и т.п.), он является *принципиальным*. Дистанция влияет как на поведение обвиняемого, так и на решение суда³, не говоря уже о гипотетическом давлении, которому обвиняемый может подвергаться, например, в СИЗО при даче показаний, постановке вопросов свидетелям, заявлении ходатайств, выступлении в прениях, произнесении последнего слова и др. и которое остается за пределами контроля суда. В такой ситуации непосредственное и дистанционное участие в судебном разбирательстве – это раз-

¹ Как, впрочем, и иных участников уголовного судопроизводства.

² Цит. по: Pradel J. Deux siècles de politique pénale. Révolution ou rénovation? Paris, 2020. P. 489.

³ В США проводились даже специальные научные исследования, эмпирически подтвердившие данный тезис. Например, одним из них выявлено, что при применении залога в качестве меры пресечения его сумма заметно выше, если обвиняемый участвует в соответствующем заседании суда дистанционно, и, наоборот, снижается при физическом появлении обвиняемого перед судьей. В психологии данный феномен называется «эффектом живости» (*vividness effect*), то есть эмоциональным влиянием присутствия другого человека, вызывающим сочувствие, повышающим ответственность и влекущим большую осторожность в принятии решений (см.: Fiorini B. L'adaptation des juridictions pénales américaines // L'adaptation des procédures contentieuses en temps de pandémie. Comparaison internationale et limites éthiques / sous la dir. de R. Maurel. Bruxelles, 2022. P. 372.).

ные по качеству и последствиям процессуальные формы, которые, безусловно, совершенно неравноценны.

Но тогда, особенно в нынешних технологических условиях, требуется переоценить подход к фундаментальному праву обвиняемого на участие в судебном разбирательстве.

Во-первых, у обвиняемого должно быть право не просто на участие, а на **физическое** участие в судебном разбирательстве. В современной литературе речь иногда в этом же смысле идет о необходимости выделения «принципа соприсутствия» (франц. *principe de coprésence*) в зале суда, который, например, применительно к США, специально не формулировался отцами-основателями американской Конституции, так как «казался им очевидным», но сегодня «находится в центре фундаментальных конституционных прав обвиняемого»¹. Отказ от этого принципа в пользу дистанционности, то есть переход от соприсутствия суда и сторон, включая обвиняемого, к их разделенному в пространстве участию в судебном разбирательстве, «меняет не только организацию процесса, он меняет его природу»². Ясно также, что «принцип соприсутствия» означает наличие у обвиняемого права на физическое участие в судебном разбирательстве. Иначе говоря, речь идет о двух сторонах одной медали.

Во-вторых, следует признать, что сегодня есть не две, а три гипотетические процессуальные формы участия обвиняемого в судебном разбирательстве: 1) реальное (физическое) участие; 2) заочное участие; 3) дистанционное участие. Только первая из них полностью обеспечивает все фундаментальные процессуальные права обвиняемого. Любой отход от нее, каковы бы ни были его причины, в сторону заочного или дистанционного производства в любом случае не может происходить помимо воли обвиняемого (подсудимого) и не должен лишать его права на **физическое** участие в судебном разбирательстве по своему делу, поскольку ни заочное, ни дистанционное производство полноценными формами судебного разбирательства не являются.

В заключение следует признать, что российский закон от 29 декабря 2022 г., сконструировавший новую ст. 241.1 УПК РФ, данным ценностям не соответствует, ибо лишает обвиняемого в некоторых и не до конца определенных случаях указанного права. Остается надеяться, что неудачное решение законодателя будет компенсировано взвешенной судебной практикой, что, конечно, не освобождает от необходимости корректировки соответствующих законодательных положений в сторону признания за обвиняемым **безусловного** права на физическое (реальное) участие в судебном разбирательстве по своему делу не только в суде присяжных, но и в любом ином уголовном суде.

¹ Fiorini B. Op. cit. P. 378.

² Ibid.

THE RIGHT TO THE PHYSICAL PARTICIPATION IN A TRIAL – A NEW FUNDAMENTAL RIGHT OF ACCUSED PERSON?¹

Leonid Golovko

*Professor at the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University,
Head of the Centre for Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Oversight*

The appearance of remote participation of accused person in a criminal trial (by videoconferencing), well known since many years and activated during the pandemic period, poses a very important question: should the remote participation be considered as a real participation, one of the forms of trial in absentia or a variety of trial sui generis? Even in the last case, the question remains: is it possible to organize the participation of accused person in a trial by videoconferencing against his will, insisting that videoconferencing ensures his real participation? The recent French and Russian approach demonstrates the opposite answers to this question. In the context of the contemporary digital cult, it needs to ascertain that the accused person has a right not only to participate in a trial, but to participate in it physically.

Whatever its reasons, in the direction of absentee or remote proceedings in any case cannot occur against the will of the accused (defendant) and should not deprive him of the right to physical participation in the trial of his case, since neither absentee nor remote proceedings are full-fledged forms, proceedings are not.

¹ The article was reported at the international scientific and practical conference entitled "Modern Criminal Procedure: Current Issues and Development Trends" dedicated to the 100th anniversary of the founder and the first head of YSU Chair of Criminal Procedure and Criminology, renowned litigator, professor Harutyun Mushegh Pivazyun (12 may 2023).

ԱՐԴՅՈ՞Ք ԴԱՏԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑԻՆ ՖԻԶԻԿԱԿԱՆ ՄԱՍՆԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ՝ ՄԵՂԱԴՐՅԱԼԻ ՀԻՄՆԱՐԱՐ ՆՈՐ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆ Է¹

Լեոնիդ Գոլովկո

Մ. Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարանի իրավագիտության ֆակուլտետի քրեական դատավարության, արդարադատության և դատախազական հսկողության ամբիոնի վարիչ, իրավաբանական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր

Դատական քննությանը մեղադրյալի հեռակա մասնակցությունը (հեռավար կապի միջոցով), որը հայտնի է արդեն երկար տարիներ և ավելի կիրառելի դրաձավ համաձայնակի ժամանակ, շատ կարևոր հարց է բարձրանում՝ արդյոք հեռավար մասնակցությունը պետք է դիտարկվի որպես իրական մասնակցություն, որպես հեռակա դատավարության ձևերից մեկը, թե՞ sui generis դատական քննության տեսակ է: Անգամ վերջին դեպքում հարցը մնում է՝ հնարավո՞ր է կազմակերպել, որ մեղադրյալն իր կամքին հակառակ մասնակցի դատական քննությանը հեռակապի միջոցով՝ պնդելով, որ տեսահեռակապն ապահովում է իր փաստացի մասնակցությունը: Ֆրանսիական և ռուսական նորարարական մոտեցումները ցույց են տալիս այս հարցի ուղիղ հակառակ պատասխանները: Ժամանակակից թվային պաշտամունքի պայմաններում անհրաժեշտ է արձանագրել, որ մեղադրյալն իրավունք ունի ոչ միայն մասնակցել դատաքննությանը, այլև ֆիզիկապես մասնակցել դրան:

Ինչ էլ որ լինի դրա պատճառները, հեռակա կամ հեռավար վարույթը ոչ մի դեպքում չի կարող տեղի ունենալ մեղադրյալի (ամբաստանյալի) կամքին հակառակ և չպետք է զրկի նրան իր գործի դատաքննությանը ֆիզիկական մասնակցության իրավունքից, քանի որ ոչ հեռակա և էլ հեռավար վարույթը դատական քննության լիարժեք ձևեր չեն:

Ключевые слова: *уголовный процесс; заочное судебное разбирательство; дистанционное участие обвиняемого в судебном разбирательстве; видеоконференцсвязь; право на физическое участие.*

Keywords: *criminal procedure; trial in absentia; remote participation of accused person in a trial; videoconferencing; the right to a physical participation.*

Բանալի բառեր - *քրեական դատավարություն, հեռակա դատական քննություն, մեղադրյալի հեռակա մասնակցությունը դատական քննությանը, տեսակոնֆերանս կապ, ֆիզիկական մասնակցության իրավունք:*

¹ Հոդվածը զեկուցվել է «Ժամանակակից քրեական դատավարությունը՝ արդի հիմնախնդիրները և զարգացման միտումները» խորագրով միջազգային գիտագործնական համաժողովում՝ նվիրված ԵՊՀ քրեական դատավարության և կրիմինալիստիկայի ամբիոնի հիմնադիր և առաջին վարիչ, անվանի դատավարագետ պրոֆեսոր Հարություն Մուշեղի Պիվազյանի 100-ամյակին (12 մայիսի 2023 թ.):